

Вечером ни тот, ни другой не чувствовали голода, поэтому спустились поужинать позже обычного. Перед выходом Лян Сычжэ открыл чемодан и достал из скрытого отделения ещё одну банковскую карту.

— Схожу за деньгами, — сказал Лян Сычжэ, закрывая чемодан и ставя его к стене.

Цао Е спрыгнул с кровати и обулся.

— Я пойду с тобой.

Банкомат находился на соседней улице, они не спеша дошли пешком, километр пути занял минут пятнадцать.

Лян Сычжэ вставил карту в банкомат и посмотрел на баланс. Это была единственная его карта, которую они ещё не «обнулили», и на ней было больше всего денег — чуть больше 40 тысяч юаней. Лян Сычжэ некоторое время смотрел на эту цифру, потом задумался и снял две тысячи. Свернув деньги, он сунул их в карман и, обернувшись к Цао Е, сказал:

— Пошли.

— Я тоже хочу снять деньги. — Цао Е помахал своей картой. — Подожди меня.

Лян Сычжэ увидел карту в его руке — ту самую, из-за которой он вчера полтора часа бегал по городу. Он подумал: «Неужели с этой карты ещё можно снять деньги?»

И действительно, Цао Е, нажав несколько кнопок на банкомате, обернулся к Лян Сычжэ с нескрываемым удивлением:

— Лян Сычжэ, подойди сюда, посмотри!

Лян Сычжэ, взглянув на его лицо, всё понял, но всё же подошёл. Цао Е показал ему баланс на экране и недоверчиво воскликнул:

— Не поверишь, вчера вечером мы потратили всю сумму на моей карте!

Лян Сычжэ слегка приподнял бровь:

— Ну да, мы неплохо поужинали.

Цао Е облегчённо вздохнул:

— Хорошо, что мы не заказали больше, иначе не смогли бы рассчитаться.

— Конечно, — сказал Лян Сычжэ.

— Ох, как же мы рисковали! Осталось меньше ста юаней... — Цао Е разволновался не на шутку.

Лян Сычжэ невозмутимо похлопал его по плечу, мысленно добавив: «Ты рисковал, уже когда покупал те джинсы».

По дороге обратно Цао Е позвонил Чжэн Иню:

— Дядя Инь, ты слишком скупой! Денег на твоей карте еле хватило на джинсы и ужин!

Чжэн Инь, видимо, тоже был удивлён и начал задавать вопросы. Пока Цао Е говорил с Чжэн Инем, Лян Сычжэ решал в уме арифметические задачи, пытаясь понять, на сколько ему хватит 40 тысяч юаней. Будет ли достаточно на учёбу в старшей школе в Яньчэне, а потом и на университет? Если нет, придётся занимать, но получится ли? В университете должно быть проще — можно подрабатывать. Наверное, он сможет сам себя обеспечить...

Освободившись от вчерашней меланхолии, он вдруг осознал, что времени на уныние [1] у него не было: ему предстояло решить множество реальных проблем. Скрипка и кино вдруг отделились от него после одной ночи. Теперь он беспокоился о предстоящей оплате за обучение и жизнь, не говоря уже о репетиторстве и экзаменах...

[1] 伤春悲秋 (shāng chūn bēi qiū) — «печалиться о весне и осени». Выражение описывает склонность к меланхолии и грусти, связанную с течением времени и переменой сезонов.

Прошлый год он провёл, словно в безвременье, бесцельно сидя в своей норе, а теперь его резко вернули в реальность, и он понял, что потерянное время мстит ему, ускоряя ход. Так всего не успеть. Выбравшись из норы и созерцая свою разрушенную жизнь, он чувствовал себя диким зверем, которого из зоопарка выпустили на волю. Теперь он, растерянный, оказался лицом к лицу с опасностями дикой природы.

—

В комнате было душно и шумно, поэтому вечером они снова решили подняться на крышу. Лян Сычжэ не хотел брать гитару, но Цао Е взял её, собираясь нести её на спине.

— Я сам, — сказал Лян Сычжэ, сняв гитару с плеча Цао Е. После всего произошедшего он смотрел на Цао Е как на младшего брата. Лян Сычжэ был единственным ребёнком, но будь у него брат, он хотел бы, чтобы тот был, как Цао Е: наивным, простым и беззаботным.

Цао Е был на два с лишним года младше его. Раньше Лян Сычжэ относился к нему как к ровеснику, но теперь, когда у него появилось такое чувство, он вдруг понял, что Цао Е всё ещё ребёнок. Лян Сычжэ стал во всём ему уступать, хотя этот «ребёнок» не очень-то хотел называть его старшим братом, кроме случаев, когда изображал паиньку.

— Лезь первым. — Лян Сычжэ поставил гитару на подоконник. — А я закрою окно.

— А, хорошо, — ответил Цао Е, взялся за оконную раму и закинул ногу на подоконник.

— Держись крепче, — посоветовал Лян Сычжэ.

Пока Лян Сычжэ поднимался на крышу, он время от времени поглядывал на Цао Е. Тот карабкался гораздо быстрее, чем раньше, его длинные ноги ступали уверенно и точно, и он в мгновение ока оказался наверху. Увидев, что Цао Е уже на крыше, Лян Сычжэ облегчённо вздохнул, крепче сжал водосточную трубу и сосредоточился на подъёме. Добравшись до пятого этажа, он поднял голову и, собираясь уже ухватиться за край крыши, увидел Цао Е. Тот смотрел вниз и протягивал ему руку. Хотя Лян Сычжэ мог легко забраться сам и не нуждался в помощи, он всё же взялся за руку Цао Е и позволил ему подтянуть себя наверх.

Поднявшись на крышу, Лян Сычжэ снял гитару и передал её Цао Е. Тот начал играть, раз за разом повторяя всё ту же Twinkle Twinkle Little Star. Он знал только четыре строчки, и без устали пел их снова и снова, получая от этого удовольствие.

— Ты не взял скрипку? — спросил Лян Сычжэ, повернувшись к нему.

Цао Е прекратил играть:

— Взял, но оставил дома. Хочешь сыграть на скрипке?

— Нет. — Лян Сычжэ улыбнулся. — Мне просто интересно, как играешь ты.

— Плохо играю, — немного смутился Цао Е. — Ты сразу всё поймёшь.

— Думаешь я обязательно должен хорошо играть?

— Ты наверняка играешь очень хорошо, — ответил Цао Е, немного подумав.

Лян Сычжэ улыбнулся. На самом деле, раньше он играл на скрипке действительно неплохо и никогда не скромничал по этому поводу.

Цао Е подошёл и сунул гитару Лян Сычжэ:

— Я обещал тебя научить играть Twinkle Twinkle Little Star, но так и не сделал этого.

— Опять проголодался и хочешь отвлечься от чувства голода? — пошутил Лян Сычжэ.

— Нет, в тот раз всё получилось случайно. — Цао Е потёр лоб. — Сейчас я действительно буду тебя учить... Ты же знаешь ноты?

Он присел слева от Лян Сычжэ, левой рукой показал, как брать аккорды, тихонько напевая мелодию: «До-до-соль-соль, фа-фа-ми-ми-ре-ре-до...». Лян Сычжэ, конечно же, умел играть Twinkle Twinkle Little Star. Он выучил эту мелодию, когда ему ещё не было и двух лет. Поэтому, когда Цао Е показал ему аккорды, он тронул струны правой рукой, и полились чистые звуки, похожие на журчание воды в лунном свете. Он тихо пропел строки, которые только что повторял Цао Е:

Then the traveller in the dark,

Thanks you for your tiny spark,

He could not see which way to go,

If you did not twinkle so.

Тот, кто ночь в пути проводит,

Знаю, глаз с тебя не сводит:

Он бы сбился и пропал,

Если б свет твой не сиял.

(перевод О. Седаковой)

Услышав мелодию, Цао Е удивлённо посмотрел на Лян Сычжэ, но тот, склонив голову над гитарой, не обращал на него внимания. Цао Е тактично не стал мешать, продолжая аккомпанировать левой рукой. Только когда Лян Сычжэ закончил петь, он перестал играть.

— Ого, да ты хорошо поёшь! — Цао Е был приятно удивлён, его глаза сияли, и в них отражались звёзды и облака над их головами.

— Нормально, — улынулся Лян Сычжэ. — Хватит на ужин?

— Хватит. Что ты хочешь съесть? — подхватил шутку Цао Е. — Угостить тебя чем-нибудь вкусненьким?

— Забудь, — рассмеялся Лян Сычжэ. — Прекращай дурачиться.

Цао Е тоже засмеялся:

— А так вот как там поётся, я совсем забыл. — Он попытался повторить слова, которые только что спел Лян Сычжэ.

С наступлением полуночи шум и песни с улицы схлынули, как отлив. Спустившись с крыши, они друг за другом принялись душ и стали готовиться ко сну. Лян Сычжэ выйдя из ванной,

выключил свет и задернул шторы. В комнате стало темно, только вентилятор тихонько гудел, обдувая обе кровати. Цао Е уже лёг, и Лян Сычжэ подумал, что тот, должно быть, уже спит, и направился к своей кровати.

Возможно, услышав шорох, Цао Е повернулся, посмотрел на Лян Сычжэ и сонно позвал его:

— Лян Сычжэ.

Лян Сычжэ, аккуратно снимая обувь, замер и тихонько спросил:

— Ты ещё не спишь?

— Сплю... — сонно пробормотал Цао Е. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — тихо сказал Лян Сычжэ.

Сказав это, он не сразу лёг, а некоторое время сидел на кровати, глядя на спящего юношу. Вдруг он почувствовал, что частичка его сердца стала очень мягкой, такой же мягкой, как голос Цао Е, когда он говорил ему: «Спокойной ночи». Он давно не испытывал такого чувства. Мягкость сердца всегда шла рука об руку со слабостью, и он всегда знал, что не должен позволять себе быть слабым. Но сейчас часть его сердца помимо его воли смягчилась и поддалась, подарив чувство, которого не могло понять его несокрушимое сердце.

Это чувство было одновременно горьковатым, терпким и сладким. Лян Сычжэ показалось, что его сердце сморщилось, превратившись в помело с грубой кожурой и сочной, ароматной мякотью. Сок горького помело с каждым ударом сердца вытекал наружу, медленно растекаясь по всем кровеносным сосудам и нервным окончаниям, омывая тело. Лян Сычжэ засыпал в хорошем настроении. Это было не ощущение облегчения, наступающее после решения всех проблем, а скорее чувство, когда ты знаешь, что заботы и дела можно отложить на потом, очистить разум и насладиться ощущением настоящего момента. Он вдруг почувствовал, что, возможно, ему сто́ит поторопиться с возвращением в Яньчэн. Возможно, уговаривая себя провести больше времени с Цао Е, он подсознательно хотел, чтобы и Цао Е остался с ним ещё на несколько дней. Ведь в Яньчэне нужно будет идти в новую школу, столкнуться с незнакомой обстановкой и неопределённостью, и эта мысль немного тревожила его.

На следующее утро Лян Сычжэ разбудил звонок. Он нащупал телефон, лежащий рядом с подушкой, и неохотно открыл глаза. На экране отображался незнакомый номер. Лян Сычжэ нахмурился, подумав, что это очередной спам, но всё же, преодолевая сонливость, поднёс трубку к уху и ответил.

Голос в трубке был низким и спокойным. Это был голос взрослого мужчины, который сразу же сказал:

— Сычжэ, выйди на улицу.

Лян Сычжэ мгновенно проснулся и сел в кровати:

— Режиссёр Цао?

— Да. На углу есть лапшичная «Лао Ду», жду тебя там, — ответил Цао Сююань.

— Хорошо, — ответил Лян Сычжэ, взглянув на спящего на другой кровати Цао Е. — Позвать Цао Е?

— Нет, приходи один.

Повесив трубку, Лян Сычжэ быстро встал, взъерошил волосы и, наскоро умывшись, вышел из ванной. Цао Е всё ещё спал — звонок его не разбудил. Лян Сычжэ надел чистую футболку, обулся, взял телефон и вышел. Спускаясь вниз, он пытался понять, почему Цао Сююань вдруг решил приехать сам, ведь раньше говорили, что, если будут новости, приедет Чжэн Инь. Он снова вспомнил день прослушивания, как Цао Сююань сидел за монитором, хмурился и качал головой. Неужели Цао Сююань пришёл, чтобы всё ему объяснить? Чтобы лично сказать, что он ошибся, пригласив его в Пекин?

От «Лазурной вечеринки» до лапшичной «Лао Ду» было чуть больше двухсот метров. В ту ночь, когда он нёс на спине Цао Е, этот путь казался невероятно длинным, а сейчас он был таким

коротким, словно его можно было пройти за несколько шагов. Всю дорогу Лян Сычжэ чувствовал сильное беспокойство. Хотя за последние два дня он морально подготовился и убедил себя, что несбыточной мечте о кино пора исчезнуть, сейчас, когда ему предстояло столкнуться с реальностью, он всё равно не мог избежать отчаянной мысли: «Можно я не буду просыпаться?»

С расстояния в несколько метров он увидел Цао Сююаня. Он сидел в лапшичной «Лао Ду», заняв столик на улице. Его серьёзное лицо и пристальный взгляд были такими же, как в ночь перед поездкой в Пекин. Под этим взглядом Лян Сычжэ чувствовал себя уязвимым и не мог заставить себя шагнуть увереннее и беззаботнее. Возможно, Чжэн Инь был прав: он не годился в актёры. Неужели всё должно было закончиться так быстро? Лян Сычжэ невольно замедлил шаг. После разговора ему придётся покинуть этот переулок, не так ли? Чжэн Инь сказал, что он может остаться здесь подольше, но Цао Сююань вряд ли считает так же. С какой стати Лян Сычжэ, не имеющему никакого отношения к сяо Маню, оставаться в месте, подходящем сяо Маню?

Подойдя к Цао Сююаню, Лян Сычжэ попытался взять себя в руки. Его защитная реакция всегда срабатывала вовремя. Мысль «будь что будет» окутала его сердце, неумело прикрывая его уязвимость и тревогу. Будь что будет. Покинуть улицу Иньсы, попрощаться с Цао Е, а затем вернуться к обычному образу жизни. Этот период, когда он сошёл с привычного пути, наверняка останется в его памяти на долгие годы.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130250>